

УДК 008(571.1/.5)(091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.4>

Становление деятельности по выявлению и сохранению историко-культурного наследия Сибири в дореволюционный период

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Освещаются вопросы выявления и определения научной значимости объектов историко-культурного наследия Сибири в дореволюционный период. Отношение к наследию рассматривается в контексте формирования культурно-информационной среды. Если в XVII в. знания о дорусской Сибири были крайне скудны и отрывочны, а ее наследие интересовало только с точки зрения ценности металлов, из которых были сделаны вещи, расхищаемые из древних могильников, то после указов Петра I начинается выявление и изучение материальных остатков прошлого. На примере сибирских острогов исследуются изменения представлений власти и общества о значении этих материальных свидетельств русской колонизации зауральских территорий. Отмечается, что в основном работа по выявлению и изучению сибирских древностей проводилась усилиями отдельных энтузиастов, пытающихся сохранить их остатки в домашних коллекциях и музеях.

Ключевые слова: Сибирь, историко-культурное наследие, информационная среда, научные экспедиции, выявление памятников, деревянное зодчество.

Для цитирования: Шахеров В. П. Становление деятельности по выявлению и сохранению историко-культурного наследия Сибири в дореволюционный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 37. С. 4–16. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.4>

Продвижение русских в Сибирь способствовало не только ее инкорпорации в состав будущей империи и колонизационным процессам, но и знакомству с огромным и самобытным культурным наследием Северной Азии. В ходе открытия новых территорий шел процесс их географического и хозяйственного изучения, постижения представлений и традиций повседневной жизни коренного населения, взаимовлияния культур. В различных уголках Сибири русским землепроходцам встречались материальные остатки неведомых народностей в виде курганов и других захоронений, развалины городищ и каменных сооружений. О находках древних артефактов и развалин сообщалось во многих донесениях и отписках руководителей казачьих отрядов. Еще в 1617 г. русские послы к монгольскому Алтын-хану Василий Тюменец и Иван Петров встретили в верховьях Енисея развалины древ-

них сооружений, где «бывали полаты, а ныне де то место пусто. И мы про те полаты расспрашивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и полаты: тогда живали китайские люди, Золотого царя люди» [3, с. 6]. Материальные свидетельства исчезнувших народов находили и в других сибирских землях. Один из первых иркутских краеведов А. И. Лосев отмечал, что якутские казаки в 1678 г. обнаружили в Забайкалье развалины древнего происхождения – «каменные курганы, грудями сделанные». По его мнению, эти курганы «есть могилы древних сей страны жителей». При их разборке было найдено «множество человеческих костяков, между коими и действительно попадались небольшие слитки золота и серебра» [10, с. 152].

Конечно, в это время даже представители сибирской администрации не могли оценить подлинную ценность тех объектов культурного наследия, которые выявлены в различных местах нового края. Да и в России еще мало заботились о своем историческом прошлом, и необходимость сохранения его материальных свидетельств не получила какого-либо цельного понимания. Для абсолютного большинства первых переселенцев интерес представляли не столько древность и художественные достоинства, сколько те материалы, из которых были сделаны обнаруженные в погребениях артефакты. «В могилах, – сообщал П. А. Словцов, – начинающих с Тобола... и простирающихся не только до губы, но и за Байкал до Аргуни, были в свое время открыты вещи золотые, серебрянные, медные и железные. Те и другие принадлежали к употреблению домашнему, воинскому или конскому» [13, с. 312].

Скифские курганы и другие захоронения прежних времен раскапывались еще до прихода русских. Но только с XVII в. «бугрование» – расхищение древних могил с целью поиска золотых и серебряных вещей – приобрело промысловый характер. Специализировались на этом казаки и крестьяне из сибирских острогов и деревень. Артели «бугровщиков» в 200–300 человек вели настоящий сезонный промысел, раскапывая могилы с весны до осени. В некоторых районах эти занятия становились своего рода профессией для нескольких поколений отдельных семей. Найденные при этом артефакты переплавлялись в слитки и перепродавались. Сколько при этом безвозвратно погибло произведений искусства, и подсчитать невозможно. Раскопки древних курганов были достаточно опасным делом. Нередко происходили столкновения со степными кочевниками, в результате чего немало «бугровщиков» убивалось до смерти на тех буграх».

Разграбление курганов активно поощрялось представителями местной власти. Крупнейшими центрами торговли «курганскими ценностями» в конце XVII – начале XVIII в. был Тобольск и Красноярск. Красноярский воевода Д. Зубов собрал и переплавил в слитки золотые изделия стоимостью в несколько тысяч рублей [1, с. 127]. Масштабы кладоискательства были столь значительными, что привлекли внимание Москвы. В одной из грамот Алексея Михайловича 1669 г. к тобольскому воеводе обращалось внимание на золотые и серебряные вещи и посуду, выкапываемую из старых захоронений и «чего ради велено взять известия: откуда те татары в прежния лета

такое золото и серебро получали, или из которого государства оное к ним привожено было» [18, с. 17]. Таким образом, интерес правительства к памятникам старины был обусловлен не стремлением каким-то образом сохранить наследие древних народов Сибири, а желанием поставить под свой контроль разграбление древних захоронений и получить сведения о возможных местах добычи золота и серебра. Лишь единицы в России могли в это время по достоинству оценить художественную и историческую ценность сибирских древностей. Так, голландский ученый Николаас Витсен, с 1660-х гг. собирая разнообразный материал для своего труда «Северная и Восточная Тартария», впервые отметил, что найденные в курганах вещи не могли быть сделаны живущими в то время в Сибири племенами. «Каковы же тогда были, – удивлялся он, – те цивилизованные люди, которые хоронили эти редкости! Отделка золотых предметов так искусна и толкова, что я сомневаюсь, чтобы в Европе можно было исполнить ее лучше. В весьма редких случаях эти вещи, благодаря моей бдительности и обещанию богатых наград, были сохранены и доставлены мне в целости, ибо там обыкновенно все, что сделано из золота и серебра, расплавляют» [4, с. 102].

Активная деятельность «бугровщиков» продолжалась и в начале XVIII в. Многие из участников первых научных экспедиций писали о наличии в домах сибиряков украшений и изделий из золота и серебра, найденных при раскопках древних курганов. Так, шотландец Дж. Белл, один из членов посольства 1720 г. Л. В. Измайлова в Китай, отметил между прочих редкостей, вырытых из кузнецких могил, фигурку всадника, «искусно отличного из металла, и несколько зверьков из чистого золота» [13, с. 312–313]. И. Г. Гмелин видел у красноярского воеводы позолоченные поднос и небольшой горшочек. Примечательным он нашел, что «на подносе можно было увидеть фигуры чеканной работы, похожие на то, как изображают птицу грифа» [7, с. 224].

Начало деятельности по сохранению историко-культурного наследия в России положили указы Петра I о выявлении «курьезных и старых вещей». Особую роль сыграл указ Сената от 16 февраля 1721 г. «О покупке в Сибири курьезных вещей», согласно которому предписывалось все найденные артефакты из серебра и золота «покупать сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур-коллегию, а в оной по тому ж не переплавливая, об оных докладывать Его Величеству»¹. Кроме требования жестко наказывать «гробокопателей», в указах предписывалось властям не только всячески сохранять найденные в захоронениях предметы, но и «всему делать чертежи, как что найдут»². Однако последнее распоряжение практически не выполнялось «бугровщиками», отнюдь не склонными делиться информацией о местонахождении древних могил и курганов. В развитие царских указов были приняты распоряжения тобольского воеводы в 1722 г. о «недозволении крестьянам и разночинцам отправляться на бугровщичество в сторону Казачьей

¹ ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 6, № 3738. С. 357–358

² Там же

Орды», а спустя пять лет был принят еще один указ, запрещающий местным жителям «выходить из Сибири за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов». Таким образом, данными указами запрещалось под страхом жестких наказаний производить раскопки старинных захоронений не только в самой Сибири, но и на ее южных рубежах, что не раз приводило к военным столкновениям. На эти указы ссылался позднее губернатор Сибири И. Д. Чичерин в ответ на запрос Екатерины II, почему прекратилось поступление золотых вещей из Сибири [5, с. 64].

Собранные у населения предметы и вещи из золота и серебра сибирский губернатор должен был отправлять в Петербург в первый российский музей Кунсткамеру для пополнения «сибирской коллекции». Туда же впоследствии попадали археологические коллекции, собранные экспедициями Академии наук. Большое внимание поиску и изучению движимого наследия древних народов Сибири уделяли руководители академических экспедиций. Одной из задач научных исследований Д. Г. Мессершмидта были поиски «могильных всяких древних вещей, шайтаны медные и железные и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом, и... древние вещи могильные и все вышеобъявленное, чтобы приносили и объявляли мне, и буде тех вещей явится что потребное, и за те могильные вещи дана будет плата немалая» [3, с. 7]. В первой половине XVIII в. научные обследования сибирских древностей проводили И. Ф. Страленберг, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, И. Г. Георги и др. Академик Г. Ф. Миллер даже разработал первую инструкцию по работе над археологическими памятниками Сибири, а также опубликовал несколько статей с характеристикой древних артефактов. Он же одним из первых увидел информационную ценность сибирских захоронений в том, «чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его» [18, с. 32]. Впрочем, даже ученые не всегда могли правильно оценить научное значение тех или иных открытий. Тот же Г. Ф. Миллер одним из первых познакомился с Шишкинскими писаницами, но посчитал, что в них «нет никакого признака древности», поэтому не нашел необходимости отнесения их появления «к первым обитателям этого края» [3, с. 9].

Первые указы, направленные на становление государственной охраны памятников старины в Сибири, появились с большим опозданием. К тому времени многие сибирские захоронения и клады были безжалостно разграблены и уничтожены. И. Г. Гмелин отмечал, что еще недавно в Красноярске можно было достать предметы древности, найденные в старых захоронениях около Абаканского и Саянского острогов. «До этого там, – писал ученый, – найдено столько золота, что красноярцы помнят, как за полрубля можно было купить «золотник» золота. Серебра также было найдено много, а меди и сегодня еще достаточно» [7, с. 224]. Пытаясь раскопать несколько древних захоронений, Мессершмидт также пришел к выводу, что все «языческие могилы» на берегах Оби настолько были разграблены, что «нужно было обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть на еще что-нибудь важное» [12, с. 30].

Окончательно варварское разграбление древних могил прекратилось только в середине XVIII в. В годы правления Екатерины II был издан сенатский указ от 5 июля 1764 г., касающийся деятельности «бугровщиков». За раскопки курганов в Сибири предусматривалось «бить батогами нещадно... дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездили», но причиной издания указа было не стремление сохранить археологические памятники, а то, «что с того бугрования браны были неприятелями и здешних российских в полон люди и лошади» [18, с. 23]. Кстати, Екатерину II интересовали и другие регионы Сибири. Так, в 1780-х гг. появилось ее распоряжение иркутскому наместнику И. В. Якоби, в котором предписывалось отправить людей на Лену, чтобы определить, «не найдутся ли где развалины каменного строения, и если будут найдены, то чтоб сделал с них точное описание»³. Возможно, вследствие этого распоряжения на Лену была отправлена экспедиция, проводившая обследование в 1785–1786 гг. берегов реки. Интересно, что в ней принимал участие молодой уездный землемер А. И. Лосев, результатом этого стало одно из первых его краеведческих сочинений «Сокращенное описание реки Лены».

Следующий этап изучения и выявления древностей Сибири, в том числе и русского периода, был связан с необходимостью отвечать на различные анкеты, которые в большом количестве высылались из столицы. К середине XVIII в. правительство уже серьезно интересовалось не только природно-географическими особенностями сибирской земли, но и историей ее присоединения и освоения. Огромную роль сыграло изучение архивов сибирских городов участниками Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером, а затем и сделанные ими исторические описания зауральской территории. Особое внимание уделялось истории основания русских поселений в крае и сохранившимся первым оборонительным сооружениям и храмам. В связи с отсутствием и плохой изученностью документальных источников в центре действенным методом изучения Сибири стали различные запросы и анкеты, в которых обязательным элементом были пункты о материальных свидетельствах прошлого. Одним из первых подробные сведения из городов об их возникновении, истории и настоящем положении затребовал Я. Брюс, работавший над составлением полной географии России. В 1739 г. В. Н. Татищевым были сформулированы 198 вопросов «для истории и географии Российской», среди которых были и вопросы о сохранившихся объектах культурного наследия. В 1759 г. М. В. Ломоносов представил Сенату проект анкеты, в которой содержались вопросы о наличии и характере памятников старины в городах, а также сборе и присылке в Академию наук копий летописей. Большое значение для сохранения памятников, прежде всего археологических, имел сенатский указ от 9 апреля 1771 г., который предусматривал при составлении топографических планов и описаний включать сведения «о древних курганах и о древних же развалинах, также о пещерах... и о других подобных сему по самой натуре видимых признаках» [18, с. 23].

---

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 432. Л. 1.

Необходимость отвечать на вопросы анкет Академии наук, Шляхетского корпуса, Комиссии по коммерции и других организаций заставляла местных чиновников интересоваться старыми документами, собирать различные сведения о природе и географии края, хозяйстве и быте населения. Кроме того, эти ответы с мест стали одним из способов выявления и изучения русского материального наследия в Сибири. В одном из таких ответов канцелярист Георгий Суворов сообщал, что «прошлых лет в архиве Иркутской дела до бытности моей были не описаны и не разобраны, а ныне по определению Иркутской провинциальной канцелярии прошлых лет всякие старинные дела разбираютца по годам и описывают, для чего определен нарочный»⁴. Его ведомость «о городе Иркутску и до онога принадлежащих острогах и слободах» содержала ответы на 26 вопросов, в том числе и о возникновении Иркутского острога. Уже в эти годы невозможно было найти документального свидетельства о начале острога и пришлось привлекать старожилов. Исторические сведения составлялись не только по Иркутску, но и по самым небольшим поселениям Байкальской Сибири. Так, Иваном Шехонским была подготовлена «Ведомость, сочиненная Иркутской провинции Верхоленского уезда». В общей сложности в ней представлены ответы на 158 вопросных пункта по истории, географии, ботанике, зоологии, экономике и т. д. Интересно, что в ответ на 101-й вопрос: «Кто воеводы или губернаторы своим тщанием и разумом какую ползу городу показали?» – составитель прямо написал, что «в Верхоленском остроге от управителей и от других ни от кого тшания и радения не бывало»⁵.

Как известно, первые сибирские остроги и города имели оборонительные сооружения в виде деревянных стен и башен, так как строились для закрепления вновь присоединенных территорий и сбора ясашной казны. Да и геополитическая обстановка вдоль южных рубежей Сибири в течение полутора столетий оставалась напряженной. Последний этап крепостного строительства в Сибири был связан с уточнением и укреплением южной пограничной линии в первой половине XVIII в. в связи с обострением отношений с Китаем. В старых городах Иркутске и Верхнеудинске были перестроены острожные сооружения. Кроме того, они были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами. Изыскивались возможности для переноса крепостных построек Нерчинска и Селенгинска, местоположение которых было крайне неудачно. Также были разработаны проекты строительства новых крепостей – Петропавловской на Чикойской стрелке и Троицкой на речке Кяхте.

К середине XVIII в. ввиду отсутствия непосредственной военной опасности необходимость в острожных и крепостных сооружениях в сибирских городах отпала. Без постоянного подновления и ремонта они быстро стали деградировать и пришли в полную негодность. Деревянный палисад Иркутска уже к 1760-м гг. в значительной степени сгнил, местами развалился, ров осыпался. Последние остатки укрепления уничтожил пожар 1775 г. Острог же просуществовал до 1790-х гг. Летом 1790 г., во время сильного наводне-

⁴ РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч.7. Л.12.

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РБН). Г. IV.21. № 4562. Л. 16 об.

ния, береговую стену и башни подмыло, и они были разобраны. По словам иркутского военного губернатора Б. Б. Лещано, острог в это время представлял «ветхое деревянное крепостное строение, которое было подвержено совершенной гнилости и время от времени разваливалось и безобразило собою все окружающее место» [11, с. 24]. В связи с этим он распорядился расчистить место острога. Не намного дольше простояли стены Верхнеудинской крепости. По сведениям городничего П. Е. Решетникова, просившего разрешения снести наиболее старые и ветхие сооружения города, Удинский острог в 1811 г. был уже частично разобран и совершенно прогнил. Все его крепостное строение было оценено местными властями в 20 руб. В мае 1812 г. последовало предписание очистить территорию города от ветхих строений для сооружения на их месте новых каменных зданий в соответствии с генеральным планом застройки, «чтобы не делали собою наималейшего безобразия» [16, с. 32–33]. В некоторых городах острожные сооружения в разное время были уничтожены пожарами (Баргузин, Селенгинск) либо разрушены наводнениями (Петропавловская крепость, Нерчинск). Даже в пограничной Троицкосавской крепости стены к концу XVIII в. совсем обветшали, а военные постройки использовались не по прямому назначению. В первой половине XIX в. они оставались только в северных регионах (Якутский острог) и небольших заштатных городках и селах, таких как Илимск, Балаганск, Братск, Бельск.

Таким образом, отношение местной администрации, да и простых жителей, к первым строениям как к наследию героического периода сибирской истории было весьма прагматично. Н. С. Щукин пророчески замечал: «Корыстолюбивое невежество не уважает остатков старины! Островки и городки в Сибири постепенно уничтожаются. Вероятно, придет время, когда мы тщетно будем искать следов военной архитектуры наших казаков – завоевателей» [6, с. 199]. Проезжая мимо Верхоленского острога, он с горечью отозвался о жалких остатках его былого величия: «Я тщетно искал остатки крепости; одна церковь своею дряхлостью напоминала о старине сего поселения. Здесь небрегут историческими памятниками. Еще десять лет, и последние следы оных изгладятся» [Там же, с. 153]. Дерево, из которого строились эти сооружения, к сожалению, подвластно времени и без подновления и консервации подвержено гниению и разрушению. Но лишь единицы в то время ратовали за сохранение деревянного зодчества. Тот же Щукин застал в 1830 г. в Якутске еще четыре острожные башни, брошенные и разрушающиеся. «Если бы, – справедливо полагал он, – поправили оставшиеся стену и башни, то крепость простояла бы еще целое столетие» [Там же, с. 199]. Естественно, его никто не услышал. Впрочем, подобных ему радетелей сибирской старины и ее первых исследователей было крайне мало, и их голос терялся среди большинства современников.

На рубеже XVII–XIX вв. с развитием образования, деятельностью научных экспедиций, становлением общественной роли купечества в сибирских городах зарождается интерес к изучению истории и культурного наследия края. Одним из новых начинаний, способствующих сохранению

археологического наследия и предметов культуры народов Сибири и приграничных территорий, стало собирательство различных коллекций и редких вещей. Заметным стимулом к собиранию редкостей и образцов полезных ископаемых стало открытие в 1782 г. публичной библиотеки, разместившейся в трехэтажном каменном доме. Нашлось в нем место и для музейного кабинета, который называли «Сибирской Кунсткамерой», как бы подчеркивая ценность коллекций и связь с первым российским музеем. В музее были представлены образцы природных ископаемых, натуралистические коллекции и гербарии, а также образцы орудий труда и быта коренного населения. Там же можно было увидеть кусок ткани с Сандвичевых островов, переданный участниками экспедиции Дж. Кука, шкуру китайского козла, морских животных, снаряжение калмыцкого воина и другие редкости [2, с. 85]. С берегов Тихого океана и Аляски в Иркутск поступали предметы искусства и быта аборигенного населения. Живущий в городе ученый-натуралист Э. Г. Лаксман не только пополнял таким образом свои коллекции, но отправлял многие предметы в Академию наук [9, с. 234–235]. Нередко домашние коллекции и собрания ревнителей сибирских древностей становились в последующем основой для музеев разного профиля, а сами их усадьбы оказывались своеобразными культурно-просветительскими центрами, вокруг которых группировались небольшие кружки местной интеллигенции, куда, помимо купечества, входили молодые чиновники, офицеры, учителя, врачи. В первой половине XIX в. значительные домашние музейные кабинеты были в домах иркутских купцов Басниных, Дударовских, Сибиряковых, Пежемских, нерчинского Зензинова, красноярского купца П. И. Кузнецова, чиновника Г. И. Спаского и др. Енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов, увлекавшийся археологией, собрал внушительную коллекцию артефактов из захоронений Минусинской котловины. Хорошо понимавший ценность этого наследия, он призывал принять меры к его сохранению: «Желательно было бы, чтоб, по крайней мере, в настоящее время какой-нибудь государственный музей обратил на сии вещи особенное внимание и сберег рассыпанные остатки» [14, с. 31]. Для первых сибирских краеведов стремление к историческому изучению края и его наследия принимало характер общественного служения. Их мотивацию удивительно точно, хотя и несколько эмоционально, выразил А. И. Лосев: «Снабдить историю не токмо эпохами и достойными происшествиями, но и обогатиться всеми памятниками, преданиями и другими предметами... есть дело не только полезное, но и нужное для каждого сына России» [10, с. 113]. Особенно велика была роль сибирского купечества в развитии музейного дела во второй половине XIX в. По подсчету Е. В. Комлевой, в создании местных музеев так или иначе участвовало 49 купцов и членов их семей [8, с. 249–250].

В первой половине XIX в. появились первые распоряжения, призванные навести порядок с сохранением памятников архитектуры, в большинстве своем находящихся в ветхом и руинированном состоянии. Одним из первых был указ от 31 декабря 1826 г., которым предписывалось «собрать немедля сведения по всем губерниям о том, в каких городах есть остатки

древних замков и крепостей и в каком состоянии они находятся». В отношении древних зданий указ требовал, «...чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать, что и должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций» [18, с. 42]. Такие же строгие ограничения были вписаны в Строительный устав. В дальнейшем вышло еще несколько подобных распоряжений, которые далеко не всегда выполнялись. Закономерным этапом в деле организации деятельности по охране памятников был процесс их выявления, особенно в Сибири. Заметную роль в этом сыграл Правительственный указ 1845 г. «Относительно составления полного собрания архитектурных чертежей древним достопамятным зданиям» [17, с. 22]. Он потребовал от сибирских администраций принятия мер по поиску, изучению и составлению чертежей памятников старины. В 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, ставшая отдельным учреждением в системе Министерства императорского двора. Помимо прочего, в ее полномочия входило собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности.

Следует иметь в виду, что в российском законодательстве этого периода памятниками старины считались лишь сооружения, построенные до 1701 г. Только значительно позднее в проекте закона «Об охранении памятников старины в России» 1911 г. в перечень охраняемого наследия были включены объекты архитектуры «с доисторических времен до половины XIX в.». Поэтому под запросы в Сибири попадали только самые старые сибирские сооружения деревянного зодчества: остроги, ясашные зимовья, церкви и часовни, многие из которых к этому времени либо уже не существовали, либо находились в плачевном состоянии. Старинные церкви также в большинстве своем были перестроены или заменены на каменные. Таким образом, понятию «памятник старины» отвечало всего несколько старых острожных башен и церквей. В результате проведенных обследований в 1869–1872 гг. в Иркутской губернии было составлено «Описание памятников древности» с приложением чертежей⁶. К ним были отнесены три башни Илимского острога – Спасская, Никольская и Знаменская (неплохо сохранилась только первая), две башни бывшего Братского острога, острожная башня в Бельской слободе, остатки деревянной башни в Балаганске, под которой были устроены ворота церковной ограды. Наиболее комплексно уцелели остатки Якутского острога, включавшие в себя четыре угловые башни с галереями и часть крепостной стены. Все эти постройки также были в запущенном состоянии: часть стен была разобрана на дрова, внутренние помещения завалены мусором и навозом. Городские и областные власти неоднократно делали представления о необходимости разобрать их и продать с торгов, объясняя свои просьбы отсутствием средств на ремонт и охрану [15, с. 108–109]. По требованию Археографической комиссии была сделана подробная фотофиксация объектов, составлены чертежи и даже макеты башен силами местных мастеров. Разрешение на снос уникального комплекса рус-

---

⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 31. Оп. 3. Д. 9.

ского оборонительного искусства XVII в. так и не было получено, но и никаких попыток его сохранения власти не предприняли. Трудно не согласиться с автором исторического исследования об остроге Н. В. Султановым, обвинявшим местную администрацию в желании избавиться от развалин, вместо того «чтобы подвести снизу сгнившие венцы, а сверху сделать тесовую крышу и тем спасти от гибели лучшее свое достояние! Горько за памятник прошлой славы и обидно за современных русских людей!» [Там же, с. 30]. Прошло уже больше века, а слова эти до сих пор актуальны применительно к памятникам деревянного зодчества Сибири.

К сожалению, равнодушное, а подчас негативное отношение к наследию Сибири сохранилось даже в начале XX в. Так, А. В. Андрианов с сожалением отмечал, что в условиях массового переселения в Сибирь заметно возросло разрушение памятников как «не имеющих никакого значения в глазах невежественного населения и столь же невежественной администрации, неспособной принять какие-либо действенные меры к их охране» [3, с. 20].

Таким образом, в дореволюционный период в Сибири начинают закладываться некоторые тенденции к сохранению историко-культурного наследия. Если в начальный период внимание к материальным остаткам дорусской цивилизации носило чисто прагматический характер, что приводило к их разграблению и фактическому уничтожению, то после известных указов Петра I и связанных с этим научных экспедиций начинается медленный и во многом бессистемный процесс выявления и изучения сибирских древностей. В основном эта работа проводилась усилиями отдельных энтузиастов, пытающихся сохранить остатки этого наследия в домашних коллекциях и музеях. В плачевном состоянии находились памятники сибирской архитектуры, прежде всего деревянного зодчества. В условиях полного равнодушия населения и местных властей они разрушались и исчезали, а робкие предписания правительства к их выявлению и сохранению последовали с большим опозданием, к тому же возлагались эти задачи на местные сообщества, не имеющие для этого необходимых средств и желания.

Список литературы

1. Бердинских В. А. История кладоискательства в России. М. : Захаров, 2005. 238 с.
2. Дичаров З. Л. Необычайные похождения в России Джана Ледиарда – американца. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. 170 с.
3. Дулов А. В. Памятники археологии и истории Восточной Сибири в XVII – начале XX века: выявление, создание, использование, охрана. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 167 с.
4. Завитухина М. П. Н. К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник государственного Эрмитажа. СПб., 1999. С. 102–114.
5. Завитухина М. П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 63–69.
6. Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеева. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 544 с.
7. История Красноярска. Документы и материалы XVII – первая половина XIX в. / сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск : Производств.-издат. комбинат «Офсет», 2000. 848 с.

8. *Комлева Е. В.* Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск : Параллель, 2018. 398 с.
9. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб. : Изд. Император. Акад. наук, 1890. 488 с.
10. Летопись города Иркутска XVII–XVIII вв. / сост. и науч. ред. Н. В. Каликаускаене. Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1996. 320 с.
11. *Манассеин В. С.* Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Известия Общества изучения Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. Т. 1. С. 6–25.
12. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области / сост. А. П. Бородовский, Е. Л. Бородовская. Новосибирск : Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культур. наследия, 2003. 43 с.
13. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 676 с.
14. *Степанов А. П.* Енисейская губерния. Красноярск : Горница, 1997. 224 с.
15. *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1907. 154 с.
16. *Тиваненко А. В.* Основные этапы истории Верхнеудинска первого столетия // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 32–33.
17. *Царев В. И.* Регламентация и методы деятельности по сохранению древних памятников Сибири в XIX – начале XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 22–26.
18. *Шаманаев А. В.* Охрана культурного наследия в Российской империи : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.

Formation of Activities for the Identification and Preservation of the Historical and Cultural Heritage of Siberia in the Pre-Revolutionary Period

V. P. Sakherov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the identification and determination of the scientific significance of objects of historical and cultural heritage in Siberia in the pre-revolutionary period. The attitude to heritage is considered in the context of the analysis of the formation of the cultural and information environment. If in the 17th century, knowledge about pre-Russian Siberia was extremely scarce and fragmentary, and its heritage was interested only in terms of the value of the metals from which things were made, looted from ancient burial grounds, then after the decrees of Peter 1, the identification and study of the material remains of the past begins. The idea of the need to preserve the historical and cultural monuments of not only the peoples of Siberia, but also the Russian period was concretized and refined throughout the 19th century. The author examines the changes in the perception of the authorities and society about the significance of these material evidences of the Russian colonization of the trans-Ural territories by the example of the Siberian wooden fortresses. Most of the work on the identification and study of Siberian antiquities was carried out by the efforts of individual enthusiasts trying to preserve their remains in home collections and museums. The monuments of Siberian architecture, primarily wooden architecture, were in a deplorable state.

Keywords: Siberia, historical and cultural heritage, information environment, scientific expeditions, identification of monuments, wooden architecture.

For citation: Sakherov V.P. Formation of Activities for the Identification and Preservation of the Historical and Cultural Heritage of Siberia in the Pre-Revolutionary Period. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 37, pp. 4–16. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.4> (in Russian)

References

1. Berdinskikh V.A. *Istoriya kladoiskatelstva v Rossii* [History of treasure hunting in Russia]. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 238 p. (in Russian)
2. Dicharov Z.L. *Neobychajnye pohozhdeniya v Rossii Dzhana Lediarda – amerikanca* [The extraordinary adventures of Jan Lediard, an American, in Russia]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996, 170 p. (in Russian)
3. Dulov A.V. *Pamyatniki arheologii i istorii Vostochnoj Sibiri v XVII – nachale HKH veka: vyavlenie, sozdanie, ispolzovanie, ohrana* [Monuments of archeology and history of Eastern Siberia in the 17th – early 20th centuries: identification, creation, use, protection]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2015, 167 p. (in Russian)
4. Zavituhina M.P. N.K. Vitsen i ego sobranie sibirskih drevnostej [N.K. Witsen and his collection of Siberian antiquities]. *Archaeological collection of the State Hermitage*. Saint Petersburg, 1999, pp. 102-114. (in Russian)
5. Zavituhina M.P. K voprosu o vremeni i meste formirovaniya Sibirskoj kollekcii Petra I. [On the question of the time and place of the formation of the Siberian collection of Peter I]. *Culture and art of Peter the Great. Publications and Research*. Leningrad, 1977, pp. 63-69. (in Russian)
6. *Zapiski irkutskih zhitelej* [Notes of Irkutsk residents]. Compil. M.D. Sergeev. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe book Publ., 1990, 544 p. (in Russian)
7. *Istoriya Krasnoyarska. Dokumenty i materialy XVII – pervaya polovina XIX vv.* [History of Krasnoyarsk. Documents and materials of the 17th – first half of the 19th centuries] Krasnoyarsk, Ofset Publ., 2000, 848 p. (in Russian)
8. Komleva E.V. *Sibirskoe kupechestvo: vklad v hozyajstvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoj Evrazii* [Siberian merchants: contribution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (late 18th-19th centuries)]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2018, 398 p. (in Russian)
9. Lagus V. *Erik Laksman, ego zhizn, puteshestviya, issledovaniya i perepiska* [Eric Laxman, his life, travel, research and correspondence]. Saint Petersburg, Publication of the Imperial Academy of Sciences, 1890, 488 p. (in Russian)
10. *Letopis goroda Irkutsk XVII–XVIII vv.* [Chronicle of the city of Irkutsk 17th – 18th centuries]. Comp. and sci. ed. N. V. Kalikauskienë. Irkutsk, Vost-Sib. book Publ., 1996, 320 p. (in Russian)
11. Manassein V.S. Irkutskij ostrog (istoriko-arheologicheskij ocherk [Irkutsk “ostrog” (historical and archaeological sketch)]. *Izvestija Obshhestva izuchenija Vostochno-Sibirskogo kraja* [News of the Society for the Study of the East Siberian Territory]. Irkutsk, 1936, vol. 1, pp. 6-25. (in Russian)
12. *Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoj oblasti* [Russian forts of the 18th century on the territory of the Novosibirsk region]. Compiled by A.P. Borodovsky, E.L. Borodovskaya. Novosibirsk, 2003, 43 p. (in Russian)
13. Slotvsov P.A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical review of Siberia]. Novosibirsk, Ven-Mer Publ., 1995. 676 p. (in Russian)
14. Stepanov A.P. *Enisejskaya guberniya* [Yenisei province] Krasnoyarsk, Gornitsa Publ., 1997, 224 p. (in Russian)
15. Sultanov N.V. *Ostatki Yakutskogo ostroga i nekotorye drugie pamyatniki derevyanogo zodchestva v Sibiri* [Remains of the Yakutsk fort and some other monuments of wooden architecture in Siberia]. Saint Petersburg, 1907, 154 p. (in Russian)
16. Tivanenko A.V. Osnovnye etapy istorii Verkhneudinska pervogo stoletiya [The main stages of the history of Verkhneudinsk in the first century]. *Ulan-Ude in the past and present* [Ulan-Ude in the past and present]. Ulan-Ude, 1996, pp. 32-33. (in Russian)

17. Tsarev V.I. Reglamentaciya i metody deyatel'nosti po sohraneniyu drevnih pamyatnikov Sibiri v XIX – nachale XX veka [Regulation and methods of activities for the preservation of ancient monuments of Siberia in the 19th – early 20th century]. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and construction]. 2016, no. 1, pp. 22-26. (in Russian)

18. Shamanaev A.V. *Ohrana kulturnogo naslediya v Rossijskoj imperii* [Protection of cultural heritage in the Russian Empire]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2018, 132 p. (in Russian)

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: wodalis@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor of
the Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: wodalis@yandex.ru*